

Меликян 2001: Меликян, В.Ю. Очерки по синтаксису нечлененого предложения [Текст] / В.Ю. Меликян. — Ростов н/Д., 2001. — 136 с. — (Ростов. гос. пед. ун-т, Лингвистический ин-т).

Озаровский 1980: Озаровский, О.В. Согласие-несогласие как категория коммуникативного синтаксиса [Текст] / О.В. Озаровский // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. — М.: Рус. яз., 1980. — С. 109-120.

Опришко 1970: Опришко, А.Я. Синтаксически связанные конструкции, соотносительные с местоименными вопросительными предложениями в современном русском языке [Текст] : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.Я. Опришко. — Харьков, 1970. — 20 с.

Шведова 1955: Шведова, Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в современном русском языке [Текст] / Н.Ю. Шведова // Исследования по грамматике русского литературного языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 247-341.

Nosowicz 2001: Nosowicz, J.F. Учение о нечлененых предложениях в русском синтаксисе [Текст] / J. F. Nosowicz // Acta Univ. N. Copernici. Nauki humanistyczno-społeczne. — Toruń, 2001. — Z. 351: Studia Slavica, №6. — С.153-159.

Wierzbicka 1987: Wierzbicka, A. Boys will be boys: “radical semantics” vs. “radical pragmatics” [Text] / A. Wierzbicka // Language. — 1987. — Vol. 63. — № 1. — P. 95-114.

Статья продолжает цикл публикаций автора по проблемам выражения согласия в украинской диалогической речи. Проанализирована одна из моделей высказываний со значением согласия — синтаксически нечлененое предложение с интерпозиционной частицей «так».

Ключевые слова: диалог, согласие, предложение фразеологизированной структуры.

The article continues the series of publications of the author on the expression of consent in the Ukrainian dialogical speech. One of models of consensual utterances — the syntactically undivided sentence with the interposition particle "так" — is analysed.

Keywords: dialogue, consent, sentence with a phraseological structure.

Надійшла до редакції 22 вересня 2010 року.

Анна Донец

УДК 81'367.623
ББК 81.411.2 – 21

БАХУВРИХИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Статью посвящено визначенню ономасіологічного статусу бахуврихі – посесивних атрибутивних конструкцій та складних прикметників, які від них походять, а також їхнього місця у мові серед інших композитів. У статті подано новий метод дослідження явища бахуврихі – вони розглядаються як моновербальні дублети посесивних атрибутивних конструкцій. Актуальність статті зумовлена недостатнім опрацюванням бахуврихі, особливо у російській мові.

Ключові слова: ономасіологічний статус, атрибутивні конструкції, бахуврихі, моновербальні дублети.

Целью нашей статьи является определение ономасиологического статуса посесивных атрибутивных конструкций и образованных на их базе сложных прилагательных, таких, как например, рус. **широкоплечий** (< **широкий в плечах**), сравним: *Он был среднего роста, широкоплечий и еще более широкий к тазу* [Куприн. В цирке] и **Широкоплечий, коренастый человек среднего роста с неизгладимыми следами стройной военной выправки** [Чуковский].

Такие конструкции получили множество терминологических обозначений, например, «экзоцентрическое сложное имя», то есть такой композит, «центр которого находится вне его, <...> выводится лишь за пределы сложного имени» [Даль 1998: 250], «посесивное сложное имя» [Даль 1998: 469]. Мы же будем называть их бахуврихи-номинаемы, включающие композит и посесивное словосочетание, эквивалентом которого данный композит является. Впервые термин «бахуврихи» был употреблен в древнеиндийской лингвистике и поэтике. Он обозначал сложное слово со значением принадлежности, обладания. Происходит данный термин от санскритского *bahuvrihi* – *bahu-* (обильный) и *-vrihi* (рис) и дословно означает «богатый рисом». Иначе говоря, класс бахуврихи так назван через одного из его представителей. Употребление данного термина, на наш взгляд, является наиболее удачным.

В XX веке этот термин, наряду с некоторыми другими терминами санскритских лингвистов (ср. сандхи, сварабхакти), был усвоен учёными стран Запада и стал употребляться и применительно к другим языкам, в том числе современным. Композиты-бахуврихи разных языков рассматривались в целом ряде лингвистических работ. Наиболее детально явление бахуврихи изучено английскими лингвистами, тогда как в современной

русистике только небольшое количество работ посвящено сложным адъективам. Так, особенности английских композит-бахуврихи исследовались с точки зрения их структуры и семантики N. Bergsten, H. Marchand, B. Selten, О.Г. Васильевой; бахуврихи русского языка изучались Н.В. Трофимовой. Наиболее детально проблемы описания бахуврихи в немецком языке рассматривались в работах германистов И. Барца, О. Бехагеля, В.С. Васьиной, Я. Гримма, Н.В. Макаровой, В.М. Павловой, Г.О. Ханта, Н.В. Яценко.

Говоря о статусе бахуврихи в ономазиологической системе языка, мы будем основываться на мнении о том, что «бахуврихи в большинстве случаев возникают не как словесная интерпретация коллокации, а как однословная реализация аналитического лексико-семантического варианта номинатемы с доминантой словом в атрибутивной функции» [Максимов 1980: 172]. В этом отношении наибольшую трудность представляет выделение бахуврихи из огромного перечня, на первый взгляд, сходных по структуре композитов.

Сопоставление происходит с единицами типа *веслоногий, винтокрылый, винтомоторный* и т. п. Однако найти исходные эквивалентные словосочетания для данных номинатем сложно. Мы можем предположить, что эти конструкции являются прилагательными-терминами, образованными в результате соединения двух существительных вне пределов посессивных конструкций.

Показательной на наш взгляд является точка зрения В.И. Теркулова. Он говорит о необходимости определения различий в формировании ономазиологических моделей, с одной стороны, бахуврихи, а с другой – деривационных атрибутивных композитов. Разница состоит в том, что «суффикс бахуврихи реализует атрибутивную посессивную функцию исходного словосочетания, а суффикс деривационного атрибутивного композита является атрибутивным формантом, формирующим не подкрепленное атрибутивной функцией исходного словосочетания признаковое значение новообразованного сложного слова» [Максимов 1980]. Он приводит пример бахуврихи *бензомоторный*, где реализуется атрибутивное значение словосочетания *с бензиновым мотором*. В противовес этому атрибутивное значение композита *сельскохозяйственный* не связано с выполнением исходным словосочетанием атрибутивной функции, так как невозможно даже найти совпадающую с ним в номинативном значении расчлененную конструкцию. В.И. Теркулов указывает, что исходным словосочетанием можно было бы считать *относящийся к сельскому хозяйству*, однако оно является только лишь искусственным словообразовательным перифразом, поскольку существование в языке, например, выражения *культура, относящаяся к сельскому хозяйству* вызывает серьезные сомнения.

Интересной, на наш взгляд, является точка зрения Н.В. Трофимовой, которая изучает «семантические и словообразовательные структуры адъективов с различными препозитивными основами» [Земская 1981: 120]. Аналогично ей мнение Е.В. Лескиной, которая говорит о «сложных адъективах с препозитивными основами, которые являются немногочисленной группой, характерных для книжной речи наименований, например: *малоактивный* (человек), *остроактуальный* (диалог)» [Современный русский язык 1952: 121]. Однако с данным мнением сложно согласиться. Эти образования являются не сложными прилагательными, а словосочетаниями, которые по орфографической традиции пишутся слитно. Другими словами, вышеприведенные примеры состоят из двух компонентов, способных самостоятельно выполнять номинативную функцию. Например, сращение причастие + прилагательное *малоактивный* позволяет выделить два конструкта, *мало* и *активный*, самостоятельно выполняющие номинативную функцию в аналогичных конструкциях. Кроме того, глосса *мало* может быть рассмотрена как уточняющий компонент в одном ряду с конструктами *высокоактивный* либо *сверактивный* [Максимов 1980: 155].

Чтобы избежать подобного рода трудностей в определении статуса бахуврихи, следует обратиться к структуре посессивных атрибутивных конструкций.

Наиболее популярна в лингвистике теория Э. Бенвениста, согласно которой синтаксическая структура бахуврихи трехчлена: «Кроме двух выраженных членов, она включает невыраженный, но необходимый член – носитель атрибута». Правда, при этом он указывал и на то, что «это сложное имя основывается на атрибутивной конструкции» [Бенвенист 1974: 251], то есть на ситуации, когда исходное словосочетание выполняет в предложении атрибутивную функцию. В композите же, образованном на базе этого словосочетания, то есть, собственно, в бахуврихи на эту атрибутивную функцию указывает суффикс [Бенвенист 1974: 251]. Однако уже само это определение противоречит необходимости введения в ономазиологическую модель «носителя атрибута», поскольку он в этом случае может быть определен только как ономазиологический базис именно глоссы, в которую входит бахуврихи, но ни в коем случае не последней. Например, в словосочетании *широкоплечий парень* слово *парень* выступает как ономазиологическая база не для бахуврихи *широкоплечий*, а для словосочетания *широкоплечий парень*, являющегося аналитическим лексико-семантическим вариантом номинатемы *парень* [Максимов 1980: 172].

Поэтому, на наш взгляд, ономазиологическим базисом для бахуврихи является атрибутивная функция исходного словосочетания, реализованная в композите в суффиксе. К такому же выводу, кстати, приходит и сам Э. Бенвенист, писавший о том, что бахуврихи «сочетают синтаксическую функцию и семантическую функцию» [Даль 1998: 252].

Основываясь на мнении В.И. Теркулова, можем сделать вывод о том, что для бахуврихи ономазиологическим базисом является атрибутивное статусное (посессивное) синтаксическое значение исходного словосочетания, выраженное либо собственно синтаксической конструкцией, либо абсолютизацией значения синтаксической конструкции при помощи посессивного предлога, а ономазиологическим признаком – ономазиологическая структура исходного именного словосочетания. Соответственно, в русском языке

бахуврихи виступає в двох разновидностях – в формі посесивного словосполучення (*с шестью гранями*) і сформованого на його базі композита (*шестьгранний*).

Важким є питання про сферу використання бахуврихи в російській мові. В ній бахуврихи зустрічаються практично в усіх стилях мови: науковій, газетній, художній і розмовній. Звернемося до точки зору Максимової В.І. і вивченому їм явленню варіантних прикметних. Мова йде про конструкції типу: *двусторонний* – *двухсторонний*, *двугранний* – *двухгранный*. В своїй роботі автор розглядає випадки, коли використання того чи іншого варіантного прикметного викликає складнощі. Для нас проблема двозначності не представляє великого інтересу і морфологічні зміни в формі суфікса в наведених прикладах, є об'єктом іншого дослідження. Ми ж віднесемо дане утворення до бахуврихи, і в підтвердження наведемо приклади використання композита: *В ближайшие недели Украина может подписать двухстороннее соглашение с США по реструктуризации части задолженности в рамках Парижского клуба* [http://bin.com.ua/templates/news_article_big.shtml?id=15331 – 42 Кб] і еквівалентного їй вихідного словосполучення: *Чем отличается увольнение по собственному желанию от увольнения по соглашению двух сторон* [http://money-vopros.ru/money/10907.html – 16 Кб]. Також нами виявлено велику кількість прикладів бахуврихи, називаючих міру часу в часі (час) – *двухчасовой*, в популярному тольському арт-клубі «Корона» відбувся *двухчасовой творческий вечер Михаила Андреева «Отчего так в России березы шумят?* [http://www.sibogni.ru/actions/0/2007/1 – 14 Кб] - *Это будет что-то вроде творческого вечера длиной в два часа* [http://nova.rambler.ru/srch?query], в простореч'ї (метр) – *двухметровый*, вагові одиниці (тонна) – *двухтонный*, грошові (рубль) – *двухрублевый*.

Вживання бахуврихи використовується також як експресивне засіб словотворення в розмовній стилі мови. Детально функцію експресивних похідних в розмовній стилі мови досліджувала Земська Е.А. Вона говорить про те, що завдяки експресивним похідним, можна найбільш повно висловити своє певне ставлення до співрозмовника, чи то ввічливе ставлення, дружнє ставлення або навпаки, презирство, неуважність і т. п., а також зацікавленість і подібність. Наприклад, *Там была какая-то косоглазенькая девица* [Бенвенист 1974: 114]. В даній пропозиції прикметне *косоглазенькая* носить характер іронічності по відношенню до об'єкта.

Бахуврихи з зменшувально-ласкательним суфіксом також використовуються, коли відбувається спілкування між людьми і тваринами, чи мова йде про тварин, наприклад: *Они прямо от этого слова как живые передо мной – краснопузенькие, внутреннепухлые, нахохлившиеся птичуганы!* [http://www.livejournal.com/users/tari_bird/84526.html – 11 Кб]

Виконаний нами аналіз дозволив виділити наступні лексико-семантичні поля бахуврихи:

Колір органу: *беломордый / с белой мордой, рыжеволосый / с рыжими волосами, рыжеусый / с рыжими усами, синеглазый / с синими глазами;*

Інтенсивність кольору: *белоснежный / белый как снег;*

Внутрішня характеристика суб'єкта: *жестокосердечный / с жестоким сердцем, слабонервный / со слабыми нервами; мокромозготный / с мокрым мозгом;*

Якість звуку/голос: *громкоголосый / с громким голосом;*

Характеристика предмету зовнішнього виду: *косоглазый / с косыми глазами, кособокий / с косыми боками, круглолицый / с круглым лицом, круглолобый / с круглым лбом; хилоногий / с хилыми ногами;*

Кількісна характеристика: *трехэтажный / из трех этажей, односерийный / к одной серии;*

Міра ваги: *двухтонный / в две тонны, трехкилограммовый / в три килограмма;*

Міра довжини: *трехметровый / в три метра;*

Часова тривалість: *двухнедельный / на две недели, трехлетний / трех лет;*

Красота: *румянощекий / с румяными щеками;*

Температура: *студеноводный / со студеной водой;*

Смак: *лимоннокислый / кислый как лимон;*

Якість: *грубосуконный / из грубого сукна, грубошерстный / из грубой шерсти.*

Дана робота розглядає бахуврихи російської мови з онімасіологічної точки зору і дає можливість в майбутніх роботах скласти словник бахуврихи англійської і німецької мов, а також вивчити більш детально це мовне явище.

Література

Даль 1998: Даль, В.І. Толковий словник живої великоросійської мови [Текст] / В.І. Даль. – Москва: Цитадель, 1998. – 835 с.

Бенвенист 1974: Бенвенист, Э. Обща лінгвістика [Текст] / Э.Бенвенист ; [пер. с франц. Ю.Н. Караулова и др.]. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.

Васильєва 2004: Васильєва, О.Г. Функціонально-семантичні особливості посесивних найменувань особи (на прикладі субстантивних композитів-бахуврихі) [Текст] / О.Г.Васильєва // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2004. – № 17. – С. 104-107.

Земська 1981: Земська, Е.А. Русская разговорная речь [Текст] / Е.А.Земская. – М. : Наука, 1981. – 276 с.

Максимов 1980: Максимов, В.І. К тайнам словотворення : кн. для внеклассного чтения [Текст] / В.І. Максимов. – М. : Просвещение, 1980. – 160 с.

Современный русский язык 1952: Современный русский язык: Учебник для филол. спец. ун-тов [Текст] / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Изд-во МГУ, 1952. – 520с.

Теркулов 2008: Теркулов, В.И. Композиты русского языка в ономазиологическом аспекте : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.02 [Текст] / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.

Трофимова 2006: Трофимова, Н.В. Препозитивные деривационные средства выражения степени признаков в сложных адъективах русского языка [Текст] / Н.В. Трофимова // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 94. – С. 117-121.

Статья посвящена определению ономазиологического статуса бахуврихи – посессивных атрибутивных конструкций и образованных на их базе сложных прилагательных, а также их места в языке среди других композитов. В статье представлен новый метод изучения бахуврихи – они рассматриваются как моновербальные дублиеты посессивных атрибутивных конструкций. Актуальность статьи обусловлена малой изученностью явления бахуврихи в современной лингвистике.

Ключевые слова: ономазиологический статус, атрибутивные конструкции, бахуврихи, моновербальные дублиеты.

The given article deals with determination of the onomasiological status of possessive attributive constructions and compound adjectives, which are formed from it and its place among the other composites. In the article a new approach to the bahuvrihi is presented – they are researched as monoverbal doublets of possessive attributive constructions. The topicality of the article concerns that fact, that in modern Linguistics the phenomenon of bahuvrihi was not studied enough, especially in Russian language.

Keywords: onomasiological status, attributive constructions, bahuvrihi, monoverbal duplicates.

Надійшла до редакції 25 серпня 2010 року.

Наталя Кобченко

ББК 81.2 – 2(4Укр)

УДК 81'367.63: 811.161.2

РЕАЛІЗАЦІЯ АДРЕСАТНОСТІ В СИНТАКСЕМАХ СИНКРЕТИЧНОЇ СЕМАНТИКИ

У розвідці описано морфологічні засоби вираження виокремлених у структурі речення синкретичних синтаксем з адресатним відтінком, окреслено їхнє лексичне наповнення. Прокоментовано дериваційний шлях витворення конструкцій з такими компонентами. Обґрунтовано розрізнення адресата в ситуації та адресата ситуації.

Ключові слова: синкретична синтаксема, адресатність, адресат в ситуації, адресат ситуації, семантико-синтаксична функція, семантичний відтінок.

На сучасному етапі розвитку лінгвістики стрімко підвищується увага науковців до явищ нетипових, таких, що не піддаються однозначній кваліфікації, результатом чого, у синтаксисі зокрема, є плідні напрацювання у вивченні синкретичних членів речення, синкретичних семантико-синтаксичних відношень між предикативними частинами складних речень, а також синкретичних функцій синтаксем. Останній аспект є менш дослідженим, але не менш цікавим, з-поміж інших, що й спричинило порушення нами цього питання.

Семантико-синтаксична категорія адресатності дотепер залишається чи не найменш опрацьованою: у рамках студіювання цієї проблематики пошуки лінгвістів спрямовані переважно в площину окреслення функціонально-семантичного поля дієслів адресатності, визначення й опису відношень між лексемами, що його утворюють [Лінник 1998; Пац 1998; Пац 1998а]. Між тим, особливості функціонування та вираження адресатних синтаксем рідко потрапляють до кола дослідницьких інтересів науковців, що очевидно, можна пояснити вузькістю семантичного й морфологічного наповнення цих актантів: у ролі адресатної синтаксеми виступають здебільшого назви осіб у формі давального безприменникового відмінка [Безпояско 1991: 39] й родового з прийменником *для* або *до* [Вихованець 1992: 124-126], а також у валентній рамці обмеженої групи предикатів цю позицію посідає применниково-відмінковий комплекс „*перед* + орудний” [Золотова 1988: 272-273]. Однак значення адресатності може бути наявним у певній синтаксемі не лише як таке, а й у вигляді семантичних нашарувань і відтінків, які тією чи тією мірою взаємодіють з основним значенням компонента. У зв'язку з цим актуальною постає потреба фіксації й аналізу таких явищ, що й продиктувало завдання нашої студії – виокремити в структурі речення синкретичні синтаксеми з семантичним відтінком адресатності й навести їхні морфологічні вияви. Адже реєстр формальних втілень синкретичних синтаксем, що водночас з іншим виражають адресатне значення, сприятиме розв'язанню важливих наукових задач, з-поміж яких всебічний опис семантико-синтаксичної категорії адресатності, оформлення функціональної типології синтаксем, створення комплексної теорії синкретизму.